

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 3
volume 3**

**Центр
"Петербургское Востоковедение"**

**Санкт-Петербург
1993**

**Китайский культ лисы
и "Удивительная встреча в Западном Шу"
Ли Сянь-миня.**

И. А. Алимов
(Музей антропологии и этнографии РАН)

(Санкт-Петербург)

1

Народная фантазия наделяет сверхъестественными, не открывающимися с первого взгляда особенностями, весь окружающий мир. Причудливой формы камни, вековые необычайные деревья, удивительные цветы, звери и птицы, ведущие какую-то свою, обособленную от людей и потому загадочную жизнь - всё это в народном сознании получает волшебные, многозначительные свойства.

Среди немифических животных, представления о которых занимают значительное место в культуре старого Китая, одной из первых обращает на себя внимание лиса. Это обыкновенное, казалось бы, животное становится вдруг носителем значительной волшебной силы, предметом особого внимания людей. "Волшебная фантастика, которую китайский народ неизвестно даже с какого времени, окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, по-видимому, совершенно чужды воображению других народов", - справедливо писал В. М. Алексеев¹. Лиса выступает одним из главных героев в многочисленных сказках и легендах, древних рассказах, новеллах, городских повестях и даже в романе². Письменные памятники и, более всего, те произведения, которые мы сегодня относим к литературе, дают важный, незаменимый материал для изучения традиционных китайских представлений о лисе и её свойствах.

Китайская вера в сверхъестественные возможности животных уходит своими корнями в глубокую древность. Уже в "Чжу шу цзи

¹ Алексеев В. М. Предисловие переводчика. - Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжяя о необычайном. М., 1983, с.15.

² Ло Гуань-чжун, Фэн Мэн-лун. Развеянные чары. М., 1983. В этом романе речь идёт о приключениях целой семьи лис-оборотней.

нянь” (“Бамбуковые анналы”) есть сведения о превращениях лошади: “...одна лошадь превратилась в человека” (32-ой год правления чжоуского Сюань-вана, 796 г. до н. э.), в том числе в лису: “На тридцать седьмой год одна лошадь превратилась в лису” (791 г. до н. э.). Среди наиболее ранних свидетельств обращают на себя внимание сообщения о девятихвостых лисах, о лисах белого цвета или о девятихвостых лисах белого цвета. Чаще упоминается девятихвостая лиса (九尾狐), полумифическое существо, обитающее в стране Цинцюго. Об этом мы читаем в “Шань хай цзине” (“Книге гор и морей”): “Ещё в трехстах ли на востоке есть, говорят, гора Цинцю. На солнечной её стороне много нефрита, на теневой - много камня цинху. Там есть животные, по виду - такие как лиса, но с девятью хвостами, голоса их похожи на /плач/ младенцев. Могут есть людей. /Человек же/, съевший /такую лису/ не боится яда змей”. В другом месте того же сочинения: “Страна Цинцюго находится к северу... У тамошних лис четыре ноги и девять хвостов”³. По мнению современного исследователя Юань Кэ, явление такой лисы человеку рассматривалось, главным образом, в качестве счастливого предзнаменования, об этом же пишет и другой китайский ученый, Ху Кунь. В своём исследовании о месте дракона в китайской культуре Хэ Синь, ссылаясь на “Люй ши чунь цю” (“Вёсны и осени господина Люя”) и другие древнекитайские памятники, убедительно показывает, какое символическое значение придавалось животным белого цвета (тигр, лиса) в циньском и ханьском Китае⁴. Уже цзиньский поэт и эрудит Го Пу (276-324) в своём комментарии ко второму из приведённых выше отрывков заметил, что девятихвостая лиса появляется тогда, когда в мире устанавливается спокойствие, но более поздний комментатор Хэ И-син (1757-1825) обратил внимание на то, что в первом отрывке говорится о способности лисы есть людей, а это, по логике, расхочется с добрым предзнаменованием.

³ Шань хай цзин цзяо шу. Хэ И-син чжэ (“Книга гор и морей” с толкованием и комментарием. Ред. Хэ И-сина). Чэнду, 1985, разд. Нань шань цзин, с. 46; разд. Хай ван дун цзин, с. 36.

⁴ “Подобные лисы, появившись в стране Цинцюго, ставились в ряд с такими, считавшимися счастливым предзнаменованием, животными, как дракон, феникс, цилинь...” - См.: Юань Кэ. Чжунго шэньхуан чуаньшо (Китайские мифы и легенды). Пекин, 1984, с. 345; Ху Кунь. Чжунго гудай хусиньян юаньлю као (Исследование истоков веры в лис в древнем Китае). - “Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь”. 1989, N 1; Хэ Синь. Лун: Шэньхуа юй чжэньсян (Дракон: миф и реальность). Шанхай, 1989. Хэ Синь, кстати, пишет, что белая девятихвостая лиса в древнем Китае выполняла роль божества, связанного с бракосочетанием. По его мнению, “цзю вэй” (девять хвостов 九尾) следует понимать как “цзяо вэй” (交尾), т.е. “спариваться”.

Древние сведения о девятихвостых (как, впрочем, и о простых) лисах крайне отрывочны, фрагментарны и не позволяют составить сколь-нибудь законченное мнение об этом животном. Что касается "Шань хай цзина", в котором, казалось бы, есть более подробные сведения, то, по признанию исследователей, этот памятник также не даёт полной картины. История его создания не совсем ясна, и, скорее всего, заключённые в нём сведения принадлежали мифологии отдельных народов, а не являлись универсальными для всего древнего Китая⁵. Так или иначе, отметим, что в древнем Китае существовала вера в сверхъестественные возможности лис, отличающихся от обыкновенных каким-то необычным свойством, чаще всего, наличием девяти хвостов.

Куда более плодотворно для исследователя послеханьское время, когда появляется и получает значительное распространение сюжетная проза *сяшо*, в которой лиса выступает в качестве одного из основных персонажей (преимущественно, в *чжигуай сяшо* - рассказах об удивительном). Но на сей раз это не полумифическая девятихвостая лиса, вряд ли наряду с драконами, цилинями и птицей-феникс встречавшаяся китайцам в повседневной жизни, а самое обыкновенное животное, знакомое и реальное. Обычная лиса в *сяшо* наделяется волшебными свойствами, главное из которых - способность к превращениям и, прежде всего, способность принимать человеческий облик⁶.

Главный критерий волшебных сил лисы - её возраст. В представлениях китайцев волшебные свойства животных и предметов всегда связывались с их возрастом. Считалось, что чем старше животное (предмет), тем большей волшебной силой он может обладать. Об этом прямо сказано в рассказе из сборника "Сюань чжун

⁵ Э. М. Яншина, автор перевода текста данного сочинения на русский язык, замечает: "Ориентируясь на географические рамки его "книг" (*цзин*, название разделов "Шань хай цзина" - И. А.), можно предположить, что этот ареал (т. е. распространение зафиксированных в "Шань хай цзине" мифов - И. А.) очерчивался территорией центральных и юго-западных районов древнего Китая". См.: Яншина Э. М. Предисловие. - Каталог гор и морей. М., 1977, с. 23. Б. Л. Рифтин, опираясь на исследования Мэн Вэнь-туна, прямо пишет, что "Шань хай цзин" был создан в древнем царстве Чу, располагавшемся в юго-западной части Китая, см.: Рифтин Б. Л. Древнекитайская мифология и средневековая письменная традиция. - Роль фольклора в развитии литературы юго-восточной и восточной Азии. М., 1988, с. 15-16.

⁶ В связи с этим уместно будет упомянуть капитальное, единственное в своём роде исследование И. Моншайн: Monschein Y. Der Zauber der Fuchsfée. Frankfurt/Main, 1988, выполненное в русле сравнительного литературоведения и посвящённое преимущественно рассмотрению на китайском материале двух наиболее распространённых в западноевропейской литературе мотивов, связанных с женщиной (по Указателю Э. Френцель: Frenzeli E. Motive der Weltliteratur. Ein Lexikon dichtungsgeschichtlicher Längsschnitte, Stuttgart, 1976): демоническая соблазнительница (die dämonische Verführerin) и самоотверженная куртизанка (die selbstlose Kurtisane). И. Моншайн рассматривает генезис образа лисы в разных жанрах старокитайской прозы и в различные исторические периоды, вплоть до современности.

цзи” (“Записки из мрака”): “Пятидесятилетняя лиса может превратиться в женщину, столетняя /может/ стать мужчиной и вступить в отношения с женщиной. Может знать о том, что происходит за тысячу ли, прекрасно владеет искусством обольщения, морочит человека так, что он теряет разум. Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой (天狐)”⁷. Кстати, из более позднего сочинения “Гуан и цзи” (“Обширные записки об удивительном”) мы узнаём, что возрастные различия между лисами находят формальное отражение, например, в фамилиях, которые они носят: “У тысячелетних лис - фамилии Чжао и Чжан, у пятисотлетних лис - фамилии Бай и Кан”.⁸

Из приведённого выше отрывка видно, что в представлениях китайцев существовало несколько, если так можно выразиться, возрастных категорий волшебных лис. Самая низшая - молодые лисы, способные к волшебству, но ограниченные в превращениях; далее - лисы, способные на более широкий диапазон превращений: они могут стать и обыкновенной женщиной, и прекрасной девой, а могут - и мужчиной. В человеческом облике лиса может вступать в отношения с настоящими людьми, обольщать их, морочить так, что они забывают обо всём. Подобные лисы в дотанской прозе сяошо встречаются чаще всего. Как правило, они - необыкновенные обольстительницы. Приняв облик прекрасной девушки, такая лиса является к мужчине, очаровывает его своей неземной красотой, талантами, доступностью и вступает с ним в интимную связь. По сути, здесь мы имеем дело с трансформированным в письменных памятниках фольклорным мотивом женитьбы на волшебной деве⁹. Именно супружеские отношения с человеком являются конечной целью лисы, поскольку в процессе сексуальных сношений она получает от мужчины его жизненную энергию, что необходимо ей для совершенствования своих волшебных возможностей¹⁰.

⁷ Тай пин гуан цзи. Ли Фан дэн бьянь (Обширные записки годов Тай-пин. Сост. Ли Фан и др.). Пекин, 1959, (далее - ТПГЦ), т. 5, с. 3652. И. Моншайн подчёркивает, что впервые термин “небесная лиса” встречается именно в “Сюань чжун цзи” (указ. соч., с. 357).

⁸ ТПГЦ, т. 5, с. 3678.

⁹ Особо генезис этого мотива в китайской сюжетной прозе рассмотрен в кн.: Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая. М., 1980, с. 43-57, 107-153, 171-179.

¹⁰ В сборнике сунского автора Лю Фу (XI в.) “Цин со гао и” (“Высокие суждения у дворцовых ворот”) сказано: “Ибо в жизни человеческой в юности особенно сильно начало ян и слабо инь, в зрелые годы ян и инь поровну, а к старости становится меньше ян и много инь. А коли ян вовсе будет исчерпано, и останется только инь, - тогда смерть!” - Лю Фу. Цин со гао и. Шанхай. 1983, с. 222. Поэтому лиса стремится выбрать себе в супруги юношу.

Последствия такого рода отношений для человека вполне определённы: светлое начало в его организме насильственным образом убывает, жизненная энергия ослабляется. Внешне это выражается в резком похудании ("кожа и кости") и общей слабости. В конечном итоге, человек умирает от истощения жизненных сил.

Лиса же, в результате, может существенно увеличить свои волшебные возможности, что позволяет ей достичь долголетия, а, может быть, даже бессмертия, и попасть тем самым в последнюю, высшую категорию - тысячелетних лис, стать святой (狐仙), приблизиться к миру горнему (часто как раз о такой лисе говорится, что она белого цвета или девятихвостая), уйдя от суетных страстей мира людей. Подобная лиса уже не растрчивает себя на отношения с мужчинами, по своему поведению это, скорее, лиса-праведница¹¹.

Итак, самый распространённый тип лисы, представленный в дотанской прозе сяшо - это тип лисы-оборотня, который приносит человеку, в первую очередь, зло (狐妖)¹². Судя по изучаемым источникам, даже простое появление лисы в её естественном виде, или неожиданная встреча с нею, считались неблагоприятными и часто рассматривались как дурное предзнаменование: пробежавшая через двор лиса может на хвосте принести беду, встреченная в поле жалобно воющая лиса может стать предвестницей скорой, трагической гибели.¹³

---

¹¹ Из этого правила, конечно, есть исключения, и не совсем понятно, как некоторые лисы умудряются, принося вред людям, стать бессмертными. Ведь Небо жестоко карает за причинение зла. В ряде рассказов подчас встречаются и небесные лисы, творящие зло. Так, в рассказе "Чансунь У-цзи" из сборника танского автора Дай Фу "Гуан и цзи", лис насылает омрачение на дочь знатного вельможи, и перед могуществом этого лиса окликаются бессильными не только маги со своими заговорами, но даже духи местности. Лишь духи Пяти Священных Гор смогли схватить лиса. Рассуждая об этом, победивший лиса праведник замечает вельможе: "Он уже постиг тайны святых! Бить его бесполезно. Только вред себе причините. (...) Такие, как этот лис, передаются в распоряжение Небесной канцелярии, а убить его нельзя". - ТПГЦ, т. 5, с. 3657.

¹² Ср. замечание К. И. Гольгиной по поводу дотанских рассказов: "Оборотень мыслится причастным к миру нежити, он насылает наваждение, поэтому и оборотень-женщина, если выбирает себе кого-то в мужа, обычно приносит ему лишь беды". - Гольгина К. И. Китайская проза на пороге средневековья. М., 1983, с. 112.

¹³ В китайской традиции лиса издревле связывалась с мёртвыми - впервые об этом говорится в словаре "Шо вэнь цзе цзы" ("Толкование письмен и разъяснение знаков") - см.: Шо вэнь цзе цзы. Шанхай, 1988, с. 478. В старых китайских сяшо постоянно встречаются упоминания о том, что лисы роют свои норы в старых могилах, как правило, заброшенных, или рядом с ними. Наверное, поэтому в сознании китайцев установилась прочная связь между душами умерших и живущими в их могилах лисицами. Часто бывает так, что лиса присваивает себе фамилию того рода, в могиле которого живёт, или даже выдает себя за человека, похороненного в облюбованной ею для жительства могиле. Связь с мёртвым, пусть даже чисто пространственная, отчасти объясняет те вредоносные свойства, которые приписывались лисе, пусть и находящейся в своём естественном зверином обличье: и лиса, и душа умершего способны принимать людской облик и вступать в материальный контакт с живыми. Опираясь на более поздний, видимо, цинский

Несколько позднее, при династии Тан (618-907), отношение к лисе несколько изменилось. Специально исследовавшая образ лисы в китайской литературе И. Моншайн считает, что именно в это время начинает складываться культ лисы, подтверждение чего мы находим в письменных памятниках того периода. Так, в сборнике Чжан Чжо (660-740) "Чао е цянь цзай" ("Полные записи о столице и окраинах") говорится следующее: "Начиная с первых годов правления династии Тан, многие в народе стали поклоняться фее-лисе (狐神), в домах ей приносили жертвы, чтобы умиловить. Подносили ей человеческую еду и питье. Поклонялись стихийно. В то время бытовала поговорка: "Там, где нет лисы, нельзя деревню основать".¹⁴ Этот отрывок относится, самое позднее, к первой половине VIII века. По всей вероятности, уже в то время в простом народе лису стали воспринимать также в качестве животного-покровителя, способного нести добро, если ему правильно поклоняются¹⁵.

Однако свидетельства такого рода единичны. Культ лисы окончательно сформировался и принял более широкие размеры, по-видимому, в более позднее время¹⁶.

Таким образом, лиса издавна воспринималась как предвестник судьбы. Первоначально появление девятихвостой лисы считали счастливым предзнаменованием исключительно для владетельных родов, но после Тан за белой лисой в народной фантазии сохранилось по-прежнему свойство быть добрым вестником - уже для любого человека. Другое дело - фея-лиса. Она способна приносить

материал, Л. С. Васильев отмечает также, что "выползающий из-под старых могил лис считался мистическим воплощением души мертвеца". См.: Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970, с. 140.

¹⁴ ТПГЦ, т. 5, с. 3658.

¹⁵ Хэ Синь делает более конкретное замечание: "Лиса-оборотень в эпоху Тан стала местным божеством, заведующим браком и рождением детей, и в каждом доме ей поклонялись" (Указ. соч., с. 277).

¹⁶ В цинское (XVII-XX вв.) время фею-лису причисляли к так называемым "сы да мэн" или "сы да цзя" (т. е. четыре великих семейства), куда входили четыре вида животных, обладавших, по народным представлениям, волшебными свойствами и наделённых даже особыми фамилиями: лиса (ху ли) - Хумэн, хорь (хуан шу лан) - Хуанмэн, еж (цы вэй) - Баймэн, змея (шэ) - Чанмэн или Люмэн. В деревнях в честь этих животных сооружали низкие глинобитные, кирпичные или деревянные кумирни и приносили перед ними жертвы, моля о содействии в делах, спокойствии в доме, достатке, богатом урожае и т. д. Подробнее см.: Шаманьцзяо яньцзю (Исследования по шаманизму). Шанхай, 1985, с. 132-138. Нечто похожее описывал и В. М. Алексеев: "Вы проходите по китайским полям и вдруг видите, что перед каким-то курганом стоит огромный стол, на котором покоится ряд древнего вида сосудов, знамёна, знаки и все вещи, свойственные, насколько вам известно, только храму. Вы осведомляетесь у прохожего мужичка, что это такое и слышите в ответ: "Это - фея-лиса". Она, видите ли, живёт где-то тут в норе и её спрашивают не вредить бедному народу, - и не только не вредить, а, наоборот, благодетельствовать ему, как благодетельствуют прочие духи". См.: В. М. Алексеев. Указ. соч., с. 15.

человеку и беду, и добро, её образ противоречив. Если ей приносить жертвы, то она может помочь, может отблагодарить за справедливое к ней отношение. Фейя-лиса обладает значительной волшебной силой, далеко превосходящей возможности человека. Она знает будущее, широко эрудирована, способна к превращениям по своему желанию, умеет обольщать, заставляет человека потерять разум¹⁷. Наконец, простая лиса-оборотень чаще всего является существом вредоносным, пусть даже она примет вид девы неземной красоты или прекрасного юноши. Ей, впрочем, не совсем чуждо чувство справедливости, но, как правило, она не в ладах с человеком. В отличие от феи-лисы, она может быть убита, хотя справиться с нею не так-то просто. Дело в том, что белая лисица, и фея-лиса, и лиса-оборотень - суть три разных ипостаси одного существа, соответствующие различным этапам его восприятия в китайской традиции.

Рамки настоящей работы не позволяют говорить о генетических истоках особенного отношения к лисе в Китае, равно как и о причинах возникновения данного феномена; здесь я ограничусь приведённым выше кратким очерком "лисей истории". Остановимся более подробно на некоторых типических характеристиках лисы на примере новеллы Ли Сянь-миня "Удивительная встреча в Западном Шу".

2

Точное время жизни Ли Сянь-миня (второе имя Янь-вэнь) нам, к сожалению, неизвестно. Единственный источник сведений о нём - предисловие к написанному им сборнику "Юнь чжай гуан лу" ("Обширные записи из Облачного кабинета"), датированное 1111-м годом. Видимо, Ли Сянь-минь жил в конце правления династии Северная Сун (960-1127). Из этого же предисловия известно, что родом Ли Сянь-минь был из уезда Суаньцаосянь близ Кайфэна (совр. Яньцзиньсянь в Хэнани). Составители антологии "Сунжэнь чуаньци сюань" ("Избранные новеллы чуаньци сунских авторов") считают, что по сведениям, заключённым в предисловии, можно

---

¹⁷ Особое внимание обращает на себя способность лисы к оборотничеству, поскольку именно это и позволяет ей существовать среди людей. На главную особенность оборотничества в китайской традиции в отличие от традиции русской вскользь обратил внимание ещё В. Шкловский: если в русской традиции оборачивается, как правило, человек и не на долгий срок, то в китайской - животное (в данном случае, лиса), душа умершего, старый предмет, - и время оборота может быть сколь угодно долгим. См.: Шкловский В. О. О теории прозы. М., 1983, с. 154. См. также: Алимов И. А. Феномен оборотничества в китайской литературной традиции. - XX Научная конференция "Общество и государство в Китае". М., 1989, ч. 2.

сделать вывод о невысоком общественном положении Ли Сянь-миня, там сказано: "одиноким ученым, необразованным книжником"¹⁸.

Новелла "Си Шу и юй" ("Удивительная встреча в Западном Шу") принадлежит к жанру *чуаньци*, зародившемуся в Китае на рубеже правления династий Суй и Тан. В танское время жанр достиг своего расцвета. При всей известности жанра *чуаньци*, до сих пор не вполне определены его жанровые признаки, и взгляды исследователей на то, какие произведения следует причислять к этому жанру, а какие - нет, расходятся. Генетически восходя к древнейшим сюжетным записям и дотанской прозе сяошо, новелла *чуаньци* представляет собой, в первую очередь, более крупную форму авторского сюжетного повествования, преследующего, в отличие от дотанских сяошо, не одну лишь цель фиксации сюжета¹⁹. Упомянутые исследователями признаки жанра, такие как: значительный объём, развёрнутый сюжет, богатство описаний, диалогов, частые, но вовсе не обязательные стихотворные вставки - характеризуют *чуаньци* лишь с формальной стороны. Само название жанра, вошедшее в употребление, как известно, позднее (XIV в.?)²⁰, тоже не вполне раскрывает его содержание и вряд ли может существенно помочь в определении: ведь "чуань ци" означает просто "передать удивительное", и если считать признаком жанра волшебность, необычность, сказочность сюжета, то тогда придётся, во-первых, отсечь от *чуаньци* целый ряд известнейших произведений, тради-

¹⁸ После известного сборника Лу Синя (Тан Сун *чуаньци цзи*. Пекин, 1956), это вторая из вышедших в КНР антологий, посвящённых сунским *чуаньци*. Антология даёт почву для критики: можно и нужно спорить по поводу того, все ли включённые сюда произведения следует относить к жанру *чуаньци*. В имени Ли Сянь-миня в антологии вместо иероглифа 隸 написан 惠. Это отмечает и Чэн И-чжун. См.: Чэн И-чжун. *Сундайэ чуаньци сяошо* (Новелла *чуаньци* эпохи Сун). - "Вэньши чжиши", 1990, N 2, с. 16.

¹⁹ К. И. Голыгина справедливо отмечает, что "уже одно изменение целевого акцента - запись факта или эстетическая функция - придаёт тексту совершенно разное звучание... Скупость описания деталей, несущественных для рассказов III-IV вв., заменяется описательностью, сюжет разрастается, и новелла предлагает уже свои приёмы сюжетосложения". - Голыгина К. И. *Новелла средневекового Китая...* с. 72.

²⁰ Упоминания о "чуаньци ти" (стиле *чуаньци*) встречаются и ранее, но, по-видимому, обозначают исключительно произведения, входившие в одноимённый сборник новелл Пэй Сина (IX в.). Так, в "Хоу-шань ши хуа" ("Рассуждения о стихах, /написанные/ Хоу-шанем") Чэнь Ши-дао (1053-1101) есть такой фрагмент: "Покойный господин Фань Вэнь-чжэн сложил "Записки о тереме Юэян" и там описал окрестные пейзажи такими словами, что современники диву давались. Инь Ши-лу, прочитав, сказал: "Да ведь это стиль *чуаньци*!" "Чуаньци" - рассказы сяошо, которые писал танский Пэй Син". См.: Чэнь Ши-дао. *Хоу-шань ши хуа*. - Лидай шихуа. Пекин, 1983, т. 1, с. 310. Очевидно и то, что в приведённом фрагменте термин "чуаньци" связывается не с волшебным, удивительным, но, скорее, - со стилем изложения, красочными описаниями и т. д.

ционно к этому жанру относимых, но лишённых волшебства, а, во-вторых, отнести к чуаньци дотанские чжигуай сяошо и ряд памятников совершенно другого порядка.

Касаясь содержательной стороны, исследователи обычно отмечают, что для чуаньци характерны определённые типы персонажей и развитие определённых тем - например, темы любви. Однако нельзя сказать, что в новелле чуаньци появились некие принципиально отличные от предыдущей прозаической традиции герои. Но, поскольку при выделении формальных признаков жанра возникают некоторые трудности, особое значение приобретают именно содержательные его характеристики²¹. Взять хотя бы, к примеру, высказывание Б. Л. Рифтина: "Основное, что отличает так называемую танскую новеллу от предшествующей прозы, - это более развитый сюжет и появление определённых типов персонажей"²². Мы бы выразились осторожнее: в содержательном плане отличительной чертой новелл чуаньци будет, помимо усиления некоторых тем, несколько иная расстановка (по значимости) традиционных для сюжетной прозы героев, переосмысление ряда традиционных образов, например, образа лисы. Остановимся на этом подробнее.

Если в дотанских чжигуай сяошо лиса выступает носителем преимущественно злого начала - как в функции оборотня, так и в своём естественном виде²³, то в танской новелле чуаньци это поло-

---

²¹ Далеко не все предлагаемые исследователями характеристики жанра, как формальные, так и содержательные, бесспорны. Например, К. И. Гольгина пишет о "тематический и стилистической завершенности чуаньци", но это свойство нельзя назвать характеристикой данного жанра, поскольку им в не меньшей степени обладает и дотанская проза; "связь с сюжетом волшебной сказки" ненасильственным образом прослеживается далеко не во всех произведениях чуаньци; что же касается "мифологического характера основных образов", то вряд ли можно говорить о мифологичности, например, студентов и чиновников, главных героев множества новелл (см.: Гольгина К. И. Указ. соч., с. 64-65). В свою очередь, Я. Прушек отмечает, что в чуаньци стихи выполняют функцию разделителя отличных в смысловом отношении кусков прозаического текста, но это вряд ли справедливо для всех новелл, а кроме того, в некоторых чуаньци стихов нет вовсе. Он пишет также, что дотанские сяошо от чуаньци отличает лишь то обстоятельство, что сяошо суть анекдоты и истории, записывавшиеся безо всякой литературной обработки, - но и это замечание кажется успешным, если принять во внимание различие "целевого акцента" сяошо и чуаньци, которое заметила К. И. Гольгина (см. комм. 18) - Průšek H. Ch'uan-ch'i story. - Dictionary of Oriental Literatures. Tokyo, 1978. p. 25. Примеры можно продолжать.

²² Рифтин Б. Л. Китайская проза. - Классическая проза Дальнего Востока (БВЛ, т. 18). М., 1975, с. 25.

²³ Мы как будто не располагаем сведениями о том, как древние китайцы представляли себе сам процесс превращения лисы в человека; в сяошо зафиксированы, главным образом, обратные превращения - в лису. Это происходит тогда, когда лиса-оборотень сталкивается с неодолимым противником и вынуждена спастись бегством. Любопытное описание превращения лисы в человека содержится в позднем, уже упоминавшемся, романе "Пин яо чжуань": "Предположим, лиса хочет превратиться в женщину - для этого она берёт теменную кость умершей женщины; если же лис

жение меняется: стоит упомянуть хотя бы широко известную и неоднократно переводившуюся на русский язык новеллу Шэнь Цзи-цзи (750?-800?) "Жэнь ши чжуань" ("История Жэнь")²⁴, главная героиня которой, Жэнь, лиса-оборотень, обладает лучшими человеческими качествами, она - верная и преданная супругу жена. Муж Жэнь не подозревает о лисьей сущности жены до самой её смерти²⁵.

Сунская новелла чуаньци в этом смысле ни в чём не уступает лучшим танским образцам. Сун Юань, главная героиня "Удивительной встречи в Западном Шу" Ли Сянь-миня, - прекрасная девушка, "лицо сияет как красная орхидея, брови подобны изогнутым ивовым листочкам - ну прямо бессмертная с острова Пэнлай!" Прелесть, ум, кротость Юань пленяют, и неудивительно, что Ли Да-дао без памяти увлекается ею. Но Сун Юань, подобно Жэнь, подобно многим другим девам-лисам в танских и сунских чуаньци, не имеет ничего общего со злобными лисами-оборотнями дотанских сяшо. Конечно, она тоже оборачивается и обладает волшебной силой. В начале Ли Сянь-минь в лучших традициях чжигуай сяшо описывает, как Да-дао от связи с лисой начинает худеть и хиреть, но потом эта тема сама собой куда-то пропадает, уступая место описанию счастливой жизни человека и лисы²⁶. Сюжетная схема новеллы (встреча героев - разоблачение лисы и попытки бороться с нею - воссоединение героев - более или менее счастливый конец) достаточно характерна для чуаньци о лисах. Новелла Ли Сянь-миня не охватывая, впрочем, всех связанных с лисой представлений, всё

желает превратиться в мужчину, он берёт такую же кость, но уже умершего мужчины. Они кладут эту кость себе на голову и начинают кланяться луне. Ежели превращению суждено совершиться, то кость удержится на голове при всех поклонах" (Указ. соч., с. 35, пер. В. Панасюка). Поклонов надо отбить сорок девять. Несмотря на то, что описание это относится к XV-XVI вв., можно предположить, что аналогичные представления существовали в Китае и ранее.

24 См.: Гуляка и волшебник. Танская новелла (VII-IX вв.). М., 1970, пер. И. Соколовой; Танские новеллы. М., 1960, пер. О. Фишман.

25 И. Моншайн справедливо называет эту новеллу одной из ключевых в изучении образа лисы в китайской литературе - здесь обобщены все сведения о лисе-оборотне и сведены вместе главные мотивы, связанные с нею. История взаимоотношений лисы-оборотня и человека имеет, как правило, трагический конец: разлука, изгнание лисы, её смерть (Указ. соч., с. 359).

26 Эта особенность, при чтении новеллы производящая впечатление искусственной, возможно, является одним из важных свидетельств, с одной стороны, изменения отношения к лисе, а, с другой стороны, - развития художественного вымысла, когда автор, начав писать по шаблонной схеме и отдав ей должное, заканчивает своё произведение в духе нового восприятия лисы-оборотня, используя при этом возможности нового жанра. Именно такие факты и позволяют исследователям говорить о танской новелле, как о прообразе китайской художественной прозы и литературы в приближенном к современному смысле этого слова.

же содержит ряд наиболее типичных мотивов, встречающихся в чуаньци о лисах.

Лиса выдает себя за члена семьи людей. Юань говорит, что она соседка семейства Ли и сообщает некоторые подробности из своей "биографии". Лиса, как правило, заботится о том, чтобы её появление не вызвало у людей удивления, равно как и о правдоподобию своей истории.

Лиса старается блюсти свою чистоту и нравственность. Юань противится желанию Да-дао слиться с нею в любви немедленно, заставляя его набраться терпения и обставить любовное свидание по-человечески. Ещё раз напомним, что в дотанских чжигуай сяошо лисы о соблюдении принятых среди людей приличий почти не беспокоятся, их волнует только достижение своей цели. Иное дело - в новелле чуаньци: когда Да-дао уезжает по служебной надобности, Юань всё время его отсутствия проводит дома, не переступая даже порога, как и подобает заботящейся о своей репутации замужней женщине.

Лиса тонко образована, она умеет слагать превосходные стихи. Вполне естественным кажется перенесение традиционных элементов образованности на лис, души умерших и на другие волшебные персонажи²⁷. См., например, стихи Юань или её финальный разговор с Да-дао, где она выказывает большие познания в классической литературе.

Лиса стремится блюсти заведённые между людьми правила и обычаи. Когда в семье Ли поняли, что от Юань им никак не отделаться, что Да-дао от неё не откажется, и прекратили тогда враждебные действия, - Юань сделала подарки отцу и матери Да-дао как свекру и свекрови. Лиса стремится обставить своё соединение с мужчиной как свадебный обряд, принятый среди людей: здесь будет и паланкин, в котором невесту доставляют в дом жениха, и цветные свечи, и подарки, и свадебный пир, на который приглашаются лисьи приятели. Для образа лисы в дотанских сяошо всё это не так характерно.

Лиса помогает своим человеческим "родственникам" и не причинявшим ей зла людям. Юань лечит захворавшую мать Да-дао. Часто в чуаньци лиса лечит своего любимого от того недомогания, которое возникает от любовной связи с нею, и решительно противится домогательствам возлюбленного, объясняя всю пагуб-

---

²⁷ Например, в антологии сунских стихов, составленной Ли Э (1692-1752), девяносто десятая цзюань полностью отдана стихам душ умерших и духов. См.: Сун ши цзи ши. Ли Э гэн (Исторические события в сунских стихах). Шанхай, 1983, т. 2, с. 2334-2348.

ность подобного образа жизни. Кроме того, лиса с удовольствием предсказывает будущее, помогает избежать неприятностей или напротив, получить выгоду.

Лиса насылает напасти на противящегося ей человека. В характере лисы вредить человеку просто так, по природе своей, или - для достижения какой-то цели. Так, Юань насылает на отца Да-дао обезьян, когда тот прячет от неё сына. Часто лиса швыряется разными предметами, гадит в пищу и совершает разного рода мелкие пакости, способные вывести из себя кого угодно.

От связи лисы с человеком рождаются дети, и у них нет никаких лисьих признаков, хотя мать их - лиса. Часто таким детям уготовано великое будущее.

Лиса наставляет своего возлюбленного. Юань на прощание советует Да-дао прилежно заняться учёбой, сдать экзамены и покрыть тем самым род свой и родителей своих почётом и славой. Часто бывает так, что лиса оказывается более рассудительной, чем её возлюбленный, и помогает ему вернуться на путь добродетели, когда он погрязает в пороках.

Сказанного выше уже достаточно, чтобы убедиться в том, какие значительные изменения претерпел образ лисы. В чуаньци перед нами встаёт образ прекрасной женщины, может быть, слишком прекрасной и слишком одарённой для дочери человеческой, но, тем не менее, мало в чём проявляющей свои сверхъестественные способности. Происходит своеобразная переоценка образа лисы: из злой она становится доброй. Такое смещение акцента со зла на добро может быть названо весьма существенной характеристикой жанра чуаньци. Образ волшебной девы, живущей в браке с человеком и делающей супругу добро, типичен для этого жанра, и тогда права К. И. Голыгина, заметившая, что новелла чуаньци дала целый ряд однообразных (мы бы сказали - однотипных) героев и героинь, ставших жанровой принадлежностью "рассказа о талантливых красавицах и прекрасных юношах"²⁸. Речь идёт и о деве-лисе.

Однако не следует думать, что образ злого оборотня остался в прошлом: на уровне простонародной, фольклорной культуры представления о лисе по-прежнему включали в себя значительный элемент злого начала. Но если раньше лисы просто избегали или старались её уничтожить, то с конца первого тысячелетия нашей эры распространённой практикой стало её почитание: в честь лисы сооружали кумирни, к ней обращались с молитвами и просьбами, приносили жертвы.

---

²⁸ Голыгина К. И. Указ. соч., с. 74.

Лиса перестала быть однозначно злой, в письменных источниках сформировался нейтральный (если так можно выразиться) образ, нечто среднее между благовещей лисой (доброй по определению) и вредоносным животным. Дева-лиса (в т. ч. Сун Юань) из новелл чуаньци, прекрасная и своенравная, равно способная к добру и к злу, есть в какой-то (и, быть может, весьма значительной) мере создание поколений танских и сунских книжников, внесших существенный вклад в формирование традиционных китайских представлений о волшебном (сверхъестественном). Пользуясь всем опытом предшествующей письменной традиции, они создавали свой *universum* книжечеев^{28а}, и сила их умственной и культурной интенции оказала впоследствии обратное влияние на народные представления, бытовавшие изустно.

3

Ли Сянь-минь

Удивительная встреча в Западном Шу

Второе имя *сюаньдэлана*²⁹ Ли Бао было Шэн-юй. В годы Шао-син (1131-1161) его перевели на должность начальника уезда Даньлэнсянь в области Мэйчжоу³⁰. Прибыв к новому месту службы, Бао сразу же отдал подчинённым необходимые распоряжения и принялся вникать в нужды и тяготы народа. Через несколько месяцев жители уезда уже славили его.

Позади казённой резиденции, где поселился Бао, был сад и в саду - беседка. Она называлась Цзюсытин - Беседка Девяти Дум. Сын Ли Бао, его звали Да-дао, все свободное от занятий время проводил здесь.

Однажды, когда Да-дао сидел в одиночестве в этой беседке, в тени деревьев вдруг послышались хлопки в ладоши и тихое пение. Мелодия была такая чистая и изящная, западающая в душу! Да-дао, крадучись, пошёл взглянуть, кто это поёт. Видит - девушка лет, наверное, четырнадцати-пятнадцати, медленно прогуливается "лотосовыми шажками". На лоб свешивается короткая чёлочка,

---

^{28а} См. об этом.: И. А. Алимов. О сборнике Лю Фу "Высокие суждения у дворцовых ворот." - "Петербургское Востоковедение". 1992, вып. 2, с. 125-152.

лицо сияет как красная орхидея, брови подобны изогнутым ивовым листочкам - ну прямо бессмертная с острова Пэнлай!³¹

Да-дао вернулся в беседку. Долго думал он об этой девушке. "Для певички она слишком свободно держится, да и облик её слишком изящен - ясно, она не из таких, - рассуждал он. - Если же из хорошей семьи, то почему её не сопровождают служанки? И идёт она, не выбирая дороги, не по тропинке. Да и зачем бы ей прийти сюда?" Пока Да-дао так размышлял, не зная, к чему склониться, девушка неожиданно вышла прямо к беседке и остановилась.

- Из какой вы, барышня, семьи и почему гуляете здесь одна? - обратился к ней Да-дао.

- Я, ничтожная, ваша соседка. Фамилия Сун, а зовут - Юань. В семье я шестая... Недавно пробудилась я ото сна в тереме своём и пошла побродить, в надежде увидеть что-нибудь интересное. Изумительные пейзажи, тёплый ветерок, солнце в лёгкой дымке, щебечущие веселые иволги, стремительные ласточки, что носятся друг за другом - всё так прекрасно, весенние чувства переполнили моё сердце, и я, не будучи в силах их сдержать, перебралась через низкую стену, чтобы нарвать здесь цветов да сломить ветвь ивы, и случайно оказалась в вашем саду. Я и подумать не могла, что вы сейчас здесь! Не знаю теперь, куда деваться от стыда! - смущённо отвечала девушка.

- Да, но неужели батюшка твой не беспокоится, что ты так давно ушла и всё не возвращаешься домой? - спросил тогда Да-дао.

- Ещё в раннем детстве я осталась сиротой, потеряла всякую связь с семьёй старшего брата. Живу одна с сестрами. Я самая старшая в доме.

- А муж у тебя уже есть? - продолжал свои расспросы Да-дао. Девушка замялась и покраснела. Потом отвечала:

- Нет, я ещё не замужем... А у вас, господин, есть жена?

- Было уже несколько предложений, да все пары неподходящие, - ответил ей Да-дао. Девушка легко улыбнулась и спросила:

- Ну а я - хоть род мой скромный и низкий, а внешность грубая и вульгарная, - я могла бы, как говорится, подавать вам фрукты и травы?

- Боюсь, моё бренное тело слишком слабо для подобных удовольствий!

От такого разговора Да-дао пришёл в радостное возбуждение и повёл было деву к западному углу беседки, мечтая слиться с нею, но она сказала:

- Разве сейчас время для радостной встречи? Лучше я вернусь домой, а ближе к вечеру снова приду. Только будьте здесь же, господин! - с этими словами дева удалилась.

Ожидая её, Да-дао не находил себе места, не мог даже сидеть спокойно. Вскоре красное солнце опустилось на западе, сошлись на закате бирюзовые тучи, собрались (...) ³² терем, древние деревья, звёзды и созвездия засверкали ярко. Вдруг Да-дао услышал необычайный аромат, от которого просто голова пошла кругом. Он протёр глаза и стал всматриваться - а дева уже рядом! Да-дао вскочил ей навстречу.

- Слуги ваши не догадаются, куда вы пошли? - спросил он.

- Нет, не беспокойтесь! - отвечала дева. Взявись за руки, они вошли в спальню. Тут же Да-дао достал изысканные кушания и молодое вино, и двое стали беседовать, высказывая друг другу полностью всё, что было на душе. Ночь близилась к концу, когда Да-дао и дева скинули одежды и возлегли на искусно расшитые тюфяки, скрылись за пологом. Зашелестели капли дождя из туч, Да-дао и дева сполна вкусили земных радостей.

На рассвете дева распрощалась и ушла. С этого времени она стала приходить каждый вечер на закате, а утром покидала Да-дао. Так прошёл месяц.

Однажды Да-дао в какой-то непонятной усталости, не имея желания делать что-либо, заснул, сидя за столом в своём кабинете. Вдруг во сне он увидел человека с карточкой, на которой значилось, что с визитом явился некий *сюцай* ³³ Ли Эр. Да-дао вышел за ворота навстречу гостю, видит - идёт юноша изысканной наружности, манеры поведения очень внушительные. Да-дао предложил ему садиться, и Ли молвил: "Ваш глубокоуважаемый батюшка постоянно достаивает меня своей щедрой милостью, и я ещё не отблагодарил его. Сегодня же мне стало известно, что вас околдовал оборотень, вот я и пришёл помочь". "О чём это вы?" - удивлённо спросил его Да-дао. "Да ведь та девушка, с которой вы встречаетесь, - не человеческого рода! Не хотите ли взглянуть на её истинный облик?" - спросил Ли, и Да-дао выразил согласие. Тогда Ли приказал слугам доставить девушку, и через самое короткое время богатырь примчал её на коне. Нефрит опечалился, цветок сник, увяла орхидея, согнулась устало ива - у девы был пристыженный, страдающий вид, и слёзы прочертили дорожки в пудре на щеках. Ли крикнул на неё, дева тут же превратилась в большую лисицу и в ужасе побежала прочь. Да-дао вскочил и стал благодарить Ли, а тот вынул амулет и положил на столик. "Если вы, господин, будете носить это при себе, тогда ещё можно от неё избавиться... У меня

есть небольшая просьба, с которой я хотел бы к вам обратиться. Моя убогая хижина находится у ближайшего рынка, место там низинное, болотистое, совсем нельзя жить. Да к тому же много всяких людей, бродящих в полном беспорядке. Балки дома пришли в совершенную негодность. Может быть, вы, господин, окажете такую любезность и пришлёте слуг привести моё жилище в порядок?" "Да неужели я забуду вашу доброту после того, как вы помогли мне избавиться от такого несчастья!" - воскликнул Да-дао. "Объясните мне, что и как". Ли подробно рассказал и ушел... Тут Да-дао очнулся ото сна - весь в поту, в расстроенных чувствах. Он просидел без сна до самого рассвета и всё думал... На столе Да-дао обнаружил амулет, взгляделся - а это гексаграммы из "Книги Перемен"! В великом испуге он пошёл и обо всём рассказал отцу. Очень удивившись, отец заметил:

- Тот, кого ты видел во сне, назвался сюцаем Ли Эром и сказал, что я - его благодетель. Уж не цюанькоуский ли это *шэньцзюнь*³⁴, которому я совершаю поклонения? - Ли Бао отправился в храм шэньцзюня, осмотрел там балки и перекрытия, коридоры и галереи, и оказалось, что всё пришло в полную негодность. Тогда он приказал мастерам починить храм.

Да-дао же повесил амулет на пояс и не осмеливался больше ночевать в беседке. Не раз он видел деву, но она не могла приблизиться к нему ближе, чем на один *чи*³⁵, а Да-дао с ней не разговаривал. Деве только и оставалось лить слёзы. Так прошло десять дней.

Как-то Да-дао в свободный час прогуливался в одиночестве по тому самому саду и у тропинки нашёл в траве листок цветной почтовой бумаги. На листке было написано стихотворение в жанре *цы*³⁶, его сложила дева. Называлось стихотворение "Бабочка тоскует о цветке":

"Луна скользнула сквозь разрывы туч -
Подушка щёку холодит мою.
Напоминает тонкий лунный луч
Мне прежнюю любовь твою.
Тань-лан³⁷ был рядом, ныне - далеко:
Изменчив, как весенний ветерок.
О, как мне, одинокой, нелегко!
О, если б он меня услышать мог!
Порознь цветы и лёгкий пух летят:
Как воротить прошедшее назад?"

Да-дао снова и снова декламировал эти стихи, очарованный талантом девы. И вдруг он увидел её - девушка стояла под плакучей ивой. Краса её была так свежа, одежда так прекрасна - точь в точь как раньше! Подняв лицо к небу, Да-дао простонал:

- Я обычный человек, и с меня довольно красоты! Вот и сегодня - увидел, как она прекрасна, и доволен сполна! О чём мне ещё мечтать! Да и потом, откуда мне знать, может, раньше и я был необычайным существом или стану им после смерти. Нет, не могу я порвать с нею! - тут Да-дао разломал амулет и бросился к возлюбленной. Дева то плакала, то смеялась.

- Теперь, когда вы, господин, знаете всё о моем дурном естестве, - сказала она, - вы со спокойным сердцем могли бы прогнать меня, порвать нашу связь. Неужели же я забуду вашу доброту и позволю вам пачкать себя в вульгарной грязи, печалиться о недостойной вас! - из глаз её выкатилось несколько слезинок. Да-дао принялся её успокаивать, говоря:

- Да нет у меня к тебе никакой неприязни. Ни в чём я тебя не виню!

Они снова стали жить как прежде, и чувства их стали ещё крепче и глубже.

Так прошёл месяц. Лицо Да-дао осунулось, он сильно исхудал, и родители, боясь, что он совсем сляжет, стали приглашать магов и заклинателей, но никто из них так и не смог совладать с недугом. Тогда отец запер Да-дао в потайной комнате, и Юань, придя, не нашла его.

На другой день стали происходить и вовсе необычайные вещи. Откуда-то примчалось несколько сотен обезьян. Они принялись скакать по крышам, и как их не гнали, не уходили, а продолжали шнырять в окна и двери. Ли Бао они не давали ни минуты покоя.

Однажды, когда Ли Бао сидел один в своем кабинете, в щель окна кто-то просунул письмо, и оно упало рядом с Ли Бао. Бао тут же вскочил и выбежал на улицу, но там никого не оказалось. Тогда он распечатал письмо и прочел. Вот что там было сказано:

"Кун Чан-цзун, *цзиньши* из Куйчжоу³⁸ почтительно составил письмо и отправил в терем господина Ли.

В этом письме позвольте мне выразить свое преклонение перед Вашей высокой добродетелью. Да и как не разглядеть её, лишь увидев Ваш благородный лик! Я, Чан-цзун, отдалённый потомок Кун-цзы, переехал на жительство в Бачуань и теперь обитаю здесь³⁹. В семье нашей все издавна посвящали себя изучению конфуцианских книг, поколение за поколением носило чиновничье платье, и много было таких, кто, как говорится, в

красном халате держит нефритовую табличку⁴⁰. Когда-то и я за свои таланты был вознесён высоко, мои манеры и стихи были выше всяких похвал, но, к несчастью, я попал под власть чар оборотня. Омрачение достигло наивысшей глубины и длилось очень долго. Я умер и стал лисой! Случайно узнал я, что и Ваш, сударь, сын попал в такое же положение. Это продолжается уже долго, и Ваш сын на грани гибели. А я-то был мужем младшей сестры Сун Юань! Эти сёстры во всём помогают друг другу, и людей, введённых их превращениями в омрачение, - великое множество. Ваш, сударь, сын разломал амулет и отказался от защиты, он ходит по краю смерти и не задумывается об этом. Ну как не пожалеть его!.. Ещё я слышал, что если лиса-оборотень не может достичь того, чего хочет, она насылает беды и всякие удивительные вещи. Беснующиеся мартышки - это, конечно, то самое! Если вы спустите на них охотничьих соколов и собак, тогда их можно будет прогнать. Боюсь, правда, как бы Вы, благородный муж, из-за родственных чувств к сыну не причинили бы безо всякой вины вреда и моей жизни - ведь у людей и диких животных разные пути! Почтительно об этом напоминаю. Надеюсь, Вы простите мне бесстыжие речи”.

Прочитав письмо, господин Ли долгое время сидел в тупом ошеломлении. Потом, следуя данному совету, спустил на обезьян собак и соколов, и обезьяны убрались восвояси.

Однажды вечером господину Ли приснился человек. Он сказал: ”Я - Кун Чан-цзун, тот самый, что писал к вам. Я выдал замыслы лис, и они в диком гневе убили меня на берегу западного ручья. Теперь мне не удастся вернуться в круговорот жизней человеком и окончить свои дни в праведности. Ведь душа моя бродит без пристанища! Вы, господин, исполнены великодушия и чувства долга, вы можете помочь в беде и выручить в нужде. Моя последняя надежда на вас! Бренные останки мои брошены в беспорядке в глухом месте, забыты среди густого бурьяна. Если бы вы собрали и похоронили их, то эта заслуга зачлась бы вам у Девяти Источников!⁴¹”

Господин Ли дал согласие помочь, и человек пропал. Когда рассвело, Ли послал людей искать у ручья. Но лиса не нашли. Тогда господин Ли раздал пищу нескольким десяткам буддийских монахов с тем, чтобы они читали сутры в поминовение души усопшего, а сам сложил поминальный текст и принес его в жертву лису. Там было сказано:

”Бессчётное число живых существ заполняет небо и землю, но никому неведомы причины прихода и ухода! Говорят, Великое Небо можно измерить, а превращения - бесконечны! Бренное тело

даётся на краткий миг, чтобы дать прибежище духу. Круговорот от высших до низших сфер понятен, зачем же цепляться за нынешнюю оболочку, не стремясь к иной! Если сильны ещё инь и ян, если стужа по-прежнему сменяет жару - значит, не покинул ты ещё переправы между жизнями и смертями. Все существа получают обличье согласно велению судьбы - так дело обстоит во всём мире, будь то гора Тайшань или ничтожнейшая песчинка. И растения, и твари - те, что бегают и летают - тоже вдруг могут родиться в человеческом облике. А человек покидает этот мир, и, как знать, не станет ли он потом деревом или камнем, птицей или зверем. Этот закон непреложен, зачем горевать или радоваться! От непонимания его страдают даже сановники и государи, сотни лет хранят они за-тайённые обиды, лишённые речи и языка. Вчера ещё жили они в роскошных хоромах, а ныне, как говорится, ютятся под деревьями на холме в диком поле!.. Вы, желая, чтобы я обо всём узнал, отправили письмо, и - пострадали. Я со вниманием прочёл написанное Вами и понял, что когда-то Вы отменно владели литературным слогом. Что же до брошенных у западного ручья останков, то несколько раз я искал там, но, к досаде, ничего не сохранилось! Хоть Ваш прошлый облик был нелицеприятен, может, соорудить для Вас у ручья могильный курган из тамошней земли? Пока же я предпринял труды для Вашего спасения, дабы помочь Вашей душе в тёмном мире. Берегите себя, господин! Осенью так холодно, клубятся тучи... Где вы, господин? Услышали ли меня?"

Через несколько дней после принесения жертв возобновились всякие безобразия, собаки и соколы уже не помогали. Господин Ли понял, что, видно, тут ничего уж не поделаешь, отпустил Да-дао и перестал надзирать за ним. Только после этого в доме установилось спокойствие.

Да-дао и Юань вновь обрели друг друга, и чувства их усилились несказанно. Дева принесла что-то похожее на ворсистые коврики, расшитые шёлком - подарки свекру и свекрови. Ли Бао сначала не хотел принимать этот подарок, но потом испугался, что Юань разозлится и снова будет безобразничать. Пришлось ему оставить подарки у себя.

Однажды мать Да-дао захворала сердечной болезнью. Она лежала чуть живая. Господин Ли приглашал к ней известных лекарей, но никто из них помочь не смог.

- Болезнь у вашей матушки самая обычная, - сказала Да-дао Юань. - Вот, возьмите лекарство, поскорее бросьте в воду и приготовьте отвар, а потом пусть матушка выпьет. Через самое короткое время болезнь отступит!

Да-дао взял лекарство, развернул, смотрит - а это тёмный древесный листок размером в монету или немного больше. Не очень-то веря, Да-дао пошёл к матери и дал ей лекарство. Не успела она выпить отвар, как болезнь будто рукой сняло! Все пришли в сильный испуг, и решили, что Юань ведомы дела духов.

С этого времени Юань мало-помалу приняли в семью как родную и перестали испытывать к ней подозрение и неприязнь.

Однажды весенним вечером Да-дао и Юань прогуливались в заднем саду. В беседке среди цветов они устроили пир. В строгом порядке была там расставлена посуда и чаши, играла музыка. Да-дао с девой, раскрыв душу друг другу, говорили о сокровенном - удовольствию их не было предела. Опьянев, Юань сложила такое четверостишие:

”Шатёр ветвей зелёных над головой сплелся.
Едва лица касаясь, кружатся лепестки.
Красавица зарделась, румянец разлился...
Пусть пологом Лю Лина⁴² нам станут небеса!”

Да-дао долго хвалил стихи, а потом сказал с улыбкой:

- Ну, как насчёт парных строк, а?⁴³

- Пожалуйста! - ответила дева. У пионов, росших рядом с беседкой, как раз в это время набухли бутоны, вот-вот распустятся. Подлетела пара бабочек и, кружась, села на бутон. Глядя на них, Да-дао продекламировал:

- Весною на пионе у перил любезничают бабочки.

- Ранним утром на вершине яблони кричит иволга, - тут же отвечала Юань.

Немного подумав, Да-дао снова прочёл:

- Плакучая ива у тропки по ветру стелет зеленые нити.

- Ростки бамбука из-за загородки подняли бирюзовые побеги,
- ответила Юань. Да-дао изумился её острому уму и способности быстро подбирать рифмы. До самого заката читали они стихи, пели, шутили и смеялись.

В другой раз Да-дао должен был ехать по служебным делам в Мэй-чжоу⁴⁴.

- Дней через десять я непременно вернусь, никого не принимай! - сказал он деве. Прибыв на место, Да-дао встретил старого приятеля, и тот, обрадовавшись его приезду, постарался задержать друга подольше. Только через двадцать дней Да-дао удалось вернуться домой.

- Что же вы так сильно запоздали? - стала упрекать его дева.

- Да приятель задержал! - оправдывался Да-дао.

- С тех пор, как вы уехали, окна в доме были закрыты даже днём, в сад и на порог не ступала нога человека, - сказала тогда Юань. - Я забросила помаду и туалетную воду для волос, не брала в руки румяна и пудру. Я тосковала в разлуке! Я думала только о вас!.. Вот, я сложила стихотворение, и в нем выразила свои мысли!

Стихотворение было в жанре "цы" и называлось "Возвращается господин":

"Ветер восточный крепчает, -
Спутник весны молодой.
Ивовой ветвью играет и занавески качает:
Тянет ее за собой.
Тени причудливо пали, -
Солнце блеснуло вдали.
Волосы-тучи смешались, в сердце забота с печалью:
Где молодой господин?
Жизнь, что цветы и что травы:
Только цвели - и не стало..."

Прочитав эти стихи, Да-дао стал униженно просить прощения.

Тут как раз в уездном городе появился некий деревенский наставник по фамилии Чжан. Он, как говорится, опустил занавес и стал учительствовать в буддийском храме. Постепенно у него появилось множество слушателей и последователей. Узнав о Чжане, Ли Бао послал к нему своего сына. Юань приходила туда каждую ночь, тайно пробиралась к Да-дао и спала с ним. Однокашники Да-дао знали о ней и наперебой стремились хоть разочек увидеть деву. Юань их не избегала и со всеми разговаривала. Сметливая и умная, Юань умела найти подход к каждому, и все с ней чувствовали себя совершенно свободно. Однако наставнику о деве никто не рассказывал. Юань вместе с Да-дао и другими учениками Чжана часто встречались за пределами буддийского храма.

Некий цзиньши Ян Бяо, вернувшись сюда из столицы, прослышал о Да-дао и его подруге, и явился с визитом. Он хотел увидеть Юань, та согласилась. Ян Бяо встал ей навстречу.

- Когда я уезжал из столицы, то купил головные украшения - цветы из золота и шёлка. Очень тонкая и искусная работа! - сказал он. - Но здесь, в горном захолустье грубые и вульгарные вкусы, и некому оценить подобные вещи! Хотел бы поднести украшения вам, обменять на одно талантливое ваше творение!

Юань охотно согласилась, велела принести кисть и бумагу и сложила ему такое четверостишие:

”Скроили платье, блещет понапрасну:
Не в этот дом *Дунцзюнь*⁴⁵ весну принёс.
Но если лить так много горьких слёз,
Придут одни болезни и несчастья.”

Ян Бао лишь вздохнул и ушел.

Впоследствии Юань родила сына. И вот, когда мальчику исполнился год, однажды вечером она вдруг в слезах повалилась на колени, и рыдания перехватили ей голос. В испуге Да-дао стал её тормошить, но дева лишь лила слезы и молчала, не отвечая. Да-дао настойчиво продолжал спрашивать в чём дело, и тогда она сказала:

- Мы с вами встретились не случайно! Теперь же загробный срок весь вышел, и мы с сыном должны распрощаться с вами! - она оправила платье и продолжала: - Древние говорили, что женщины доставляют радость своей красотой. Я, ничтожная, удостоилась быть подле благородного мужа. С начала и до сего дня любовь наша была такой чистой, что даже если теперь и разбросают мои кости или оставят тело без погребения, то и тогда мне не будет горько. В древности была ”клятва у сорочьего гнезда”, и хоть разлука продолжалась долго, но настал всё же срок для новой встречи⁴⁶. Что до ”стихов на парчовом футляре”, то хоть обида и была очень сильна, однако, в конце концов произошла же новая встреча!⁴⁷ А у нас с вами, господин, день разлуки очень близок, но нет срока для нового свидания! Душа моя трепещет от тоски, сердце разрывается от боли! Велико горе разлуки, навечно сохранится печаль в моем сердце! - тут Юань горестно насупила прекрасные брови, и жемчужины-слёзы из её глаз оросили обильно полы халата. Глядя на неё, Да-дао тоже не сдержал слёз.

- Когда-то Кун Чан-цзун наговорил всякого вздора свекру и свекрови, - вновь заговорила дева, - но они никогда не питали ко мне брезгливых подозрений, и я получила возможность прислуживать вам, господин, у изголовья и циновки. Так прошло два года. Чувства наши глубоки, во всём мы соблюдали долг, земным парам и не сравниться с нами! Но мне обидно, что я ничем не могу отблагодарить вас за доброту! Да и неужели же я хотела бы повредить вашей судьбе и оборвать жизнь вашу, чтобы потом меня проклинали?! Этот Чан-цзун - ученый невежда и больше ничего! Да откуда ему знать меня!

Потом Юань снова обратилась к Да-дао:

- Вы, господин, ещё молоды, и вам следует прилежно учиться, быть обходительным с наставниками, друзьями, покрыть славой свой род и возвеличить отца с матерью. Этим вы выполните свой сыновний долг. Только гоните мысли о женщинах! Я надеюсь, вы будете беречь себя.

- Когда же мы увидимся с тобою вновь? - спросил Да-дао. Юань взяла кисть, сложила стихотворение и протянула ему:

"Два года делили одно изголовье
и наслаждались любовью.
Теперь же иду на край неба, а здесь
больше нам рядом не сесть.
Свидимся где ли, вздыхаю несмело,
может, за облаком белым?"⁴⁸.

Они ещё долго беседовали, а потом легли отдельно спать. Утром Да-дао встал, отправился к родителям справиться об их здоровье, потом возвратился в комнаты - а Юань и сына уже нет! Не будучи в силах справиться с охватившим его горем, Да-дао только вздыхал в печали. Часто любуясь луною, он вспоминал о красоте и прелести Юань.

Постепенно всё забылось...

Примечания

29. Перевод выполнен по изданию: Сунжэнь чуаньци сюань. Чанша, 1985, с. 134-148. Сюаньдэлан - почётное звание гражданского чиновника седьмого ранга второго класса.

30. В сунское время располагалась на территории современной провинции Сычуань (старое название - Шу).

31. Одна из легендарных обителей даосских бессмертных.

32. В тексте оригинала пропущено три иероглифа. "Сошлись на закате бирюзовые тучи" - скрытая цитата из стихотворения "Смирив гнев, дарю на прощание" лянского автора Цзян Яня (444-505), где сказано: "Солнце клонится к закату, сошлись бирюзовые тучи".

33. Низшая учёная степень в системе государственных экзаменов на право занятия вакантного поста чиновника. Присуждалась в уездах.

34. Досл.: "божественный правитель", речь идет о втором (эп) сыне прославленного своей ирригационной деятельностью Ли Бина, с 256 по 251 гг. до н. э. служившего правителем в Шу (Сычуань) и много сделавшего, в частности, в Цюанькоу (совр. уезд Цюаньсянь). Впоследствии был обожествлён.

35. Около тридцати сантиметров.

36. Один из стихотворных жанров, широко распространенных в сунском Китае. Особенность жанра: нерегулярная длина строки. Кроме того, "цы" писались на определённую мелодию.

37. Прекрасный юноша. Иносказание берёт начало от цзиньского Пан Аня, отличавшегося особой красотой и изящностью, второе имя которого было Тань-шу. Красота его стала нарицательной. Здесь и далее стихотворения даны в художественной обработке О. И. Трофимовой.

38. Цзиньши - высшая учёная степень в системе государственных экзаменов, дававшая право на занятие крупных чиновничьих постов - например, начальника области. В сунское время из первых среди цзиньши нередко избирались императорские зятья. Куйчжоу - область, располагавшаяся на территории совр. уезда Фэнцзесянь в Сычуани.

39. Ба и Чуань - распространённые в старом Китае названия для шуских земель, относящихся ныне к Сычуани.

40. Т. е. высших сановников, входивших в свиту императора.

41. Т. е. в загробном мире.

42. Лю Лин - цзиньский поэт, известный крайним пристрастием к вину. В "Ши шо синь юй" содержится ряд любопытных эпизодов из его жизни. Один из них повествует о том, как Лю Лин, напившись, разделся догола, его стали укорять, на что Лю Лин отвечал: "Для меня дом - земля и небо, а эта комната - мои рубаха и штаны. Зачем вы, господа, залезли в мои штаны!" (Ши шо синь юй, Пекин, 1989, т. 2, с. 392). В данном стихотворении содержится намёк именно на этот эпизод, призыв к раскрепощению и внутренней свободе.

43. Один из традиционных видов китайского стихосложения, коллективные поэтические экспромты. Обычное застольное развлечение, при котором участвующие должны были подбирать в уме парные строки к сказанным до них, соблюдая правила рифм, параллелизма и не погрешив против смысла.

44. Область, располагавшаяся на территории современной провинции Сычуань.

45. Восточный Государь, божество весны. Юань пытается утешить молодого человека, видимо, потерпевшего неудачу в любви.

46. Намёк на песню из "Ши Цина" ("Книга песен"), где речь идёт о том, как супруг, уехав из дома устраивать свои служебные дела, оставил жену, а она преданно ждала его всё это долгое время.

47. Намек на жену Доу-Тао, которую супруг не взял с собой, уезжая к новому назначению. В тоске она вышила на футляре стихи, где говорила о своих чувствах, и послала мужу. Тот прочёл, восхитился и прислал за ней.

48. В тексте буквально сказано: "Если и будет встреча, то только среди облаков за кручами гор Ушань". Юань хочет сказать, что увидятся они разве что во сне, и намекает на известную легенду о свидании во сне чуского князя и феи гор Ушань.

I. Alimov

The Cult of Fox in China and "Surprising Meeteing in Eastern Shu" by Li Xian-min

此篇文章之提目是中國狐狸精迷信的歷史
與在中國古典文言小說狐狸精形象的特性。
筆者爲了例子分析宋代李獻民的「西蜀異遇」。
〔俄語翻譯在附〕